

Кримократия и выборы президента США

Резонансные события последнего времени, связанные с войной в Сирии, ожесточённым сопротивлением ИГИЛ, "Брекзитом", попыткой переворота в Турции с последующими репрессиями к заговорщикам, чередой терактов в Европе, напряжённой ситуацией на Украине, постоянной стрельбой в США, вновь вернули в политический лексикон такое понятие как "новый мировой беспорядок". Все эти внешне кажущиеся не связанными события вырастают на почве обостряющейся борьбы американского истеблишмента за сохранение своей мировой гегемонии, эвентуальную угрозу которой несут Российская Федерация и Китайская Народная Республика. "Экспорт хаоса" при этом становится основным инструментом Вашингтона уже не только на международной арене, но и внутри собственной страны. Причём использование этого инструмента явно коррелирует с приближением выборов 45-го президента США. Оба кандидата обвиняют друг друга чуть ли не в измене национальным интересам и угрозе национальной безопасности. Особенно преуспела в этом Хиллари Клинтон, обвиняя Трампа в пророссийской позиции и намекая на его тесные связи с Кремлём.

Глобальная дестабилизация как следствие распада СССР

Наиболее продвинутые аналитики связывают наблюдаемую волну мирового беспорядка с "нарушением баланса сил", но причину этого нарушения не называют. Им невыгодно это делать. Ведь ещё недавно они говорили и писали о "новом мировом порядке", возникшем после распада СССР. Но признавать этот распад теперь причиной "нового мирового беспорядка" они не хотят.

Лишь несколько месяцев отделяет нас от годовщины памятной даты 25 декабря 1991 года, когда не только де-факто, но и де-юре перестал существовать Советский Союз. Подавляющее большинство не только представителей политического класса, но и населения, не только за рубежом, но и в нашей стране продолжают считать это событие символом и результатом победы в Холодной войне США над СССР.

Однако если без предубеждений и идеологических шор взглянуться в реалии последних 25 лет, то с неизбежностью можно прийти к выводу, что крушение СССР означало не только и не столько поражение реального социализма, сколько начало

периода системного **кризиса** глобальной капиталистической мирохозяйственной системы и всего мироустройства.

В течение короткого срока, за период 1917-1991 гг., мир был, как никогда ранее, упорядочен и структурирован. Более того, после завершения Второй мировой войны, достижения стратегического военного паритета между СССР и США, опережающих в общем и целом темпов экономического роста социалистических стран, эта система, несмотря на локальные и периферийные конфликты, характеризовалась целым рядом поступательных тенденций.

Достаточно последовательно во всех развитых экономиках шёл процесс замещения человеческого труда машинным и интеллектualизация производства. Уверенно росла не только производительность труда, но и доходы, приходящиеся на трудящихся. Непрерывно рос образовательный уровень. В странах "третьего мира" происходило постепенное формирование индустриальных кластеров.

На рубеже 80-х—90х гг. подавляющее большинство этих тенденций были не только прерваны, но и обратились в свою противоположность. С 70-х гг. XX века значительную популярность сначала на Западе, потом в СССР приобрела теория конвергенции между социализмом и капитализмом. Зловещая шутка истории состоит в том, что теория в значительной степени предсказала реальность. В течение последних 25 лет действительно имеют место процессы конвергенции. Однако это отрицательная конвергенция. В бывших социалистических странах проявились и возобладали худшие черты капитализма, а в капиталистических странах всё яростнее проступают черты бюрократического и иждивенческого социализма.

Резко снизились темпы экономического роста в развитых странах. Практически перестали расти доходы не только трудящихся, но и вообще средних слоёв населения. Существовавшее военно-политическое равновесие сломано. В результате, число вооружённых конфликтов в последние 25 лет более чем в 1,6 раза превышает аналогичный показатель за 1966-1991 гг.

К концу нулевых годов мировая экономика, как и предсказывали проницательные экономисты в СССР и США ещё в 70-е—начале 80-х гг. прошлого века, достигла предельного уровня развития для индустриальной технологической базы. Проявлением этого стал крупнейший со времен Великой депрессии **кризис** мировой системы хозяйствования. Несмотря на различного рода статистические манипуляции, глобальное хозяйство так и не смогло преодолеть последствия **кризиса** и войти в фазу уверенного динамичного роста.

Нынешняя мировая экономика напоминает большой пузырь. Чтобы убедиться в справедливости диагноза, достаточно привести несколько цифр. Весь мировой ВВП оценивается примерно в 80 трлн. долл. В то же время объём рынка деривативов в настоящее время превышает квинтиллион долларов. Динамика капитализации американского рынка акций на порядки превышает темпы роста ВВП страны. Если 25 лет назад соотношение между ценой акций и размерами дивидендов составляло в США примерно 5-6:1, то в настоящее время 23-20:1. Иными словами, покупая акции никто не думает о реальном производстве, а рассматривает их лишь как элемент спекуляций.

Капитализм, в конечном счёте, — это экономический строй, целью которого является получение прибыли. Однако если в 70-е гг. прошлого века в США норма прибыли составляла порядка 5-6%, в 80-е упала до трёх с небольшим процентов, в 90-е стала меньше 3%, а в настоящее время лишь немногим превышает 1,5%, и становится понятным, что традиционного капитализма больше не существует. На место прибыли от реализации продукции пришла погоня за спекулятивными доходами и бесплатными кредитами. Именно поэтому сегодня кредитные **ставки** колеблются около нуля, а депозиты в некоторых странах уже не приносят доходов, а являются своего рода **платой** за хранение денег в банке. На этом фоне во время кризиса 13 крупнейших

банков получили, как установило расследование компании "Блумберг", от ФРС бесплатных и бессрочных кредитов на сумму более 3 трлн. долл.

Новые угрозы мирового беспредела

Экономическая деструкция не могла не сказаться на политических процессах. Немалая часть национальных и особенно наднациональных элит ведущих западных стран, не видя возможности извлекать прибыль традиционными для капитализма методами, всё шире стала смыкаться с различного рода теневыми, а подчас и преступными структурами. Всё более широкое распространение получил феномен войны как специальной финансово-экономической операции. Войны стали не только полями боя, территорией страданий и лишений для населения, но и прежде всего пространством извлечения прибыли и коррупционных доходов. По данным профессора Бостонского университета Н.Крауфорда, подтверждённым впоследствии специальной комиссией Конгресса США, в ходе войны США в Ираке, Афганистане и операций в Пакистане было израсходовано 4,4 трлн. долл. При этом как минимум на 15% суммы нет каких-либо подтверждающих документов, обосновывающих целевое расходование средств. Есть высокая вероятность, что они были просто украдены.

Крушение существовавшего в XX веке миропорядка породило огромную зону нестабильности, простирающуюся от европейских Балкан до горных районов Юго-Восточной Азии, от джунглей Колумбии до пустынь Аравийского полуострова. При этом, в отличие от XX века, нестабильность носит, как правило, самоподдерживающийся характер и заканчивается появлением всё новых и новых несостоявшихся государств и серых зон насилия. По расчётам экспертов, в настоящее время на такого рода территориях проживает около 150 млн. человек и ещё примерно столько же грозит присоединиться к ним в ближайшие годы.

Экономическая стагнация и возрастающие внешние риски накладываются на динамичное развитие науки и технологий. Третья (Четвертая) производственная революция не только сулит новые блага и преимущества, но и порождает новые смертельно опасные технологии, связанные прежде всего с кибервооружением, искусственным интеллектом, синтетической биологией и т.п. Уже сегодня малые группы могут нанести неприемлемый ущерб не только небольшим, слабо развитым странам, но и технологически развитым государствам. В недавно вышедшей книге М.Гудмана "Future crimes" ("Будущие преступления") убедительно показано, как отдельные ячейки и даже террористы-одиночки могут дезорганизовать жизнь мегаполисов и вызвать миллионные жертвы.

Экономические, политические, социальные и технологические тенденции непрерывно повышают уровень мировой нестабильности, турбулентности и неустойчивости. Различные группы мировых элит пытаются использовать эти процессы в собственных интересах, по образному выражению Ю.Эволы, "оседлать тигра".

Не будет преувеличением сказать, что в наиболее заметных и знаковых событиях и процессах последних двух лет можно обнаружить следы новой неопознанной силы. Для того, чтобы постараться определить её контуры, структуру и инструментарий, есть смысл обратиться к сжатому анализу знаковых феноменов последних лет.

После состоявшегося совсем недавно разрыва движения Талибан и Джабхат ан-Нусра с Аль-Каидой, единственной по-настоящему мощной и опознаваемой в глобальном масштабе террористической силой остался ИГИЛ. ИГИЛ отличается от иных террористических организаций помимо прочего тем, что после своей реструктуризации два-три года назад превратился в своего рода теократическое квазигосударство. Это квазигосударство совмещает территориальную локализацию в определённом регионе с виртуальными и реально действующими ячейками и кластерами далеко от Ближнего Востока — в Африке, Азии, Европе и даже Северной Америке. Наряду с военными функциями ИГИЛ берёт на себя административное управление захваченными территориями, ведёт финансовую деятельность, устанавливает отношения с различного

рода государственными и негосударственными структурами, активно присутствует в медийном пространстве.

На сегодняшний день ИГИЛ является самой богатой террористической организацией мира. И дело здесь не только в 426 млн. **долларов** наличными, захваченных в своё время ИГИЛ. Дело в уникальной, построенной на беспрецедентной жестокости и насилии экономической системе ИГИЛ. Эта система позволяет говорить о том, что, по сути, ИГИЛ — это даже не столько квазигосударство, сколько своеобразная религиозная военно-финансовая корпорация. На сегодняшний день ИГИЛ контролирует несколько нефтеносных полей, а также ряд сельскохозяйственных районов. Однако не нефтью и аграрным производством жив ИГИЛ. В регионах, контролируемых организацией, устанавливается налог в размере 10% от прибыли, который **платят** практически все компании, лица, занятые хозяйственной деятельностью. Кроме того, с каждой покупки покупатель выплачивает 2% от её цены на так называемые благотворительные цели ИГИЛ. Плюс, если осуществляется приобретение какой-то крупной вещи, например, машины, оборудования, то в казну ИГИЛ поступает 10% от цены. Естественно, что точных расчётов никто не ведёт и суммы взимаются, что называется, "на глазок". Чрезвычайно важно ещё одно обстоятельство. ИГИЛ продолжает взимать средства даже с населения тех районов, из которых террористическая организация отступает. У ИГИЛ имеются специальные подпольные системы управления, а также сбора налогов и иных средств даже с тех территорий, которые переходят под контроль различных сил: от курдов до сирийской армии, от иракских вооружённых сил до Хезболлы, и где живёт суннитское население.

Согласно имеющимся оценкам, совокупный объём финансовых потоков ИГИЛ составляет в настоящее время около 700 млн. долл. в год. Буквально в последние месяцы появилась информация о том, что ИГИЛ начал не только идеологическую, военно-террористическую но и финансовую экспансию в Европу, США и страны Магриба, и в такие государства как Нигерия, Кот-д'Ивуар, Южный Судан.

Экспансия строится следующим образом. Если то или иное сообщество или группа людей признаёт духовного лидера ИГИЛ за прямого потомка пророка Мухаммеда и полностью принимает нарочито размытые религиозные установки ИГИЛ, которые организация маскирует под правоверный ислам, им предоставляется возможность получить ту или иную сумму из казны ИГИЛ на развитие бизнеса. В результате, с одной стороны, они включаются в хозяйственный оборот ИГИЛ и обязуются выплачивать указанные выше 10% и другие чрезвычайные сборы, а с другой стороны, становятся потенциальными рекрутами для "пушечного мяса", либо тылом для боевых террористических организаций в странах проживания. По своему экономическому характеру этот подход характерен для преступных синдикатов Южной и Восточной Азии, а не для арабского мира. Это лишний раз подтверждает тезис, что ИГИЛ имеет далеко не только ближневосточные корни.

Тщательный анализ различного рода первичной фактографической информации по ИГИЛ, позволяет высказать гипотезу, что эта квазигосударственная террористическая корпорация является, помимо прочего, своего рода экспериментальной площадкой по отработке принципиально новых организационных и иных решений по созданию глобального инструмента деструкции. Иными словами, ИГИЛ — это полигон. Причём данный вывод ни в коей мере не противоречит тому факту, что ИГИЛ имеет собственные далеко идущие цели на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, как известно, спецслужбы всегда использовали исполнителей "втёмную".

Для понимания феномена ИГИЛ важны несколько книг и докладов опубликованных в последние годы. В них, по сути, фрагментами представлены все основные практики, которые сегодня можно наблюдать в деятельности ИГИЛ. К таким работам относятся доклад "Новый взгляд на контрповстанческую деятельность" Д. Мак Кинлея и Э.Аль-Баддевея, изданный корпорацией RAND; книга Д. Килколлена "Спускаясь с гор: грядущая

эпоха войны в городах"; работа М. Кастеллса "Сети гнева и надежды: социальные движения в эпоху интернета", цикл статей И. Аррегин-Тофта.

Речь, конечно, не идёт о том, что эти авторы имеют какое-либо отношение к ИГИЛ. Сравнение практики ИГИЛ и мыслей, содержащихся в этих книгах, наталкивает на иной вывод: к созданию ИГИЛ приложили руку высококвалифицированные аналитики и практики из спецслужб, своеобразные инженеры деструкции. Никакие баасистские офицеры, сколь бы хорошо их ни обучали и какой бы боевой опыт они ни имели, не смогли бы воплотить в деятельность своей организации последние разработки и достижения мировой стратегической, организационной и технологической мысли. При этом, без сомнений, у этих инженеров хаоса были и есть мощнейшие союзники в арабском мире. Об этом говорит следование ИГИЛ установкам малоизвестной на Западе работы Абу Бакр-Наджа "Управление жестокостью: самая критическая стадия создания халифата", написанной в 2004 году. Совсем коротко суть её — в следующем. Вторжение американцев в Ирак и Афганистан не просто неизбежно закончится поражением, но и породит дикость и хаос, с которыми они справиться не смогут. Далее, по мнению автора, оружие, дикость и беспорядки расплзутся по всему Ближнему и Среднему Востоку и погрузят регион в войны, распри и бессмысленное насилие. Остановить бессмысленное насилие сможет осмысленное насилие в форме беспредельной жестокости, которую проявит сила, строящая всемирный халифат.

В немалой степени создание ИГИЛ связано не только с консолидацией оставшегося после Саддама военно-разведывательного подполья, имевшего межнациональный состав, но и с деятельностью определённых людей из ведущих элитных группировок. В их распоряжении находится значительный финансовый, исследовательский, организационный потенциал. Они обладают мощными позициями в политическом, военном, разведывательном истеблишменте многих стран.

Проектировщики не могли не задуматься о возможности создания своего рода "квазихаоса". Квазихаос — вид скрытого для всех — кроме конструкторов — целевого управления сложными процессами. Если, например, не знать законов жизни муравейника, то кажется, что все муравьи движутся неорганизованно, что муравейник погружён в хаос. А если муравейник целенаправленно спроектирован, то для конструкторов это — вполне понятное, прозрачное и функциональное образование, решающее определённые задачи. Иными словами, у конструктора в этом случае будет один взгляд, а у тех, кто наблюдает или страдает от муравьёв, — совершенно другой. Поскольку хаосом управлять нельзя, то наблюдатели или пострадавшие не только не смогут перехватить управление, но и будут безропотно страдать, считая, что хаос — это стихийная сила. Таким образом, получается, если вспомнить название знаменитого фантастического рассказа Шекли, — абсолютное оружие.

Важно понимать, почему на повестку дня стала задача создания трансграничного инструмента деструкции. Дело в том, что в нынешнем неустойчивом и турбулентном мире существуют диаметрально различные варианты его дальнейшего развития. Для определённой части национальных и наднациональных элит большинство вариантов, особенно связанных с прогрессом технологий, неприемлемо. Их главная задача — сохранить, а желательно даже упрочить полное господство 1% над остальными 99%. В качестве способа сохранения господства трудно представить метод лучший, чем тотальная деструкция. Достаточно посмотреть, что произошло сначала с Афганистаном, потом с Сомали, затем с вполне благополучной Сирией и весьма удобной для жизни прибрежной Ливией. Не менее яркий пример — это юго-восток Украины. Наблюдая за этими процессами, европейцы и американцы всё более опасаются, что деструкция перекинется на них. Они становятся покорны и подвластны манипуляциям. Главной целью использования инструмента глобальной деструкции является глобальное управление поведением населения развитых стран. Но это уже совсем другая история. Иными словами, если раньше бились за ресурсы, за пространство, то сейчас идёт война за

время. Очень многие силы не хотят пустить людей в будущее. А для этого надо во многих районах мира вернуть прошлое.

Для решения означенных задач контрэлите нужен такой глобальный инструмент, который мог бы действовать практически в любой обитаемой точке света. Псевдоислам подходит для этого как нельзя лучше, ведь мусульмане сегодня живут практически во всех странах мира. Искусственно созданный, так называемый "фундаменталистский" ислам, это не ислам, а его мутация, своеобразная раковая клетка. Как известно, против мутации иногда бывает сложно бороться. Ей в первую очередь подвержены те, на чьей основе искусственно сконструирована эта мутация. Грубо говоря, глобальный инструмент деструкции — это своего рода плод социально-генной инженерии, где вместо гена выступает религия.

Ислам, представляется, был выбран в силу того, что во многих мусульманских странах война идёт в течение десятилетий. В них — молодое население, которому отключены все "социальные лифты", нет никакого простора для реализации, сильны архаические традиции, облегчающие массовую мобилизацию и т.п.

На базе религии агрессивного, презирающего жизнь насилия была построена проектировщиками принципиально новая блочно-роевая организационная структура. Мутация даёт возможность создать не сеть, а рой. Рой способен к самоорганизации в силу либо биологических законов, как в стаях птиц или косяках рыб, либо по слову вождя или духовного лидера у людей. Не зря же начертано: "в начале было слово". Соответственно в рамках глобального деструктивного управления была применена психосоциолингвистическая инженерия в отношении корпуса исламских священных духовных источников, а также невербальной составляющей текста молитв. Они были определённым образом перекомпонованы, трансформированы с учётом последних достижений психотехнологий и используются сегодня для создания роёв. Тому есть убедительные исследовательские подтверждения.

В 2015-2016 гг. блочно-роевая боевая структура была впервые испытана в действии. В Париже, Брюсселе, Ницце, Мюнхене, других городах Германии в ходе террористических актов были проведены своего рода тройные эксперименты.

Во-первых, судя по всему, эти акции специально не планировались из какого-то единого центра. К ним группы и одиночки были побуждены определёнными молитвами, интернет-обращениями и т.п. Террористы были фактически запрограммированы. Это отличительная черта метода насыщающего террористического нападения.

Насыщающее террористическое нападение — доступный относительно бедному и технологически отсталому субъекту деструктивного действия метод ведения войны против страны богатой, технологически развитой и благополучной. Он заключается в проведении многочисленных террористических атак сначала против мирного населения, а затем, иногда спустя относительно длительный промежуток времени, против объектов критической инфраструктуры.

Насыщающее террористическое нападение решает следующие задачи. Во-первых, принуждает атакуемые страны к принятию дорогостоящих мер безопасности, подрывающих связность и управляемость страны и ограничивающих права и свободы граждан, которыми обусловлено преимущество цивилизации — жертвы нападения. Во-вторых, лишает жертвы возможности защитить действительно важные позиции из-за отвлечения полиции и войск. В-третьих, разжигает этноконфессиональное взаимное недоверие и злобу. В-четвёртых, подрывает волю народа и правительства атакуемой страны к сопротивлению.

Второй эксперимент, осуществленный в ходе террористических нападений, носил медийно-аналитический характер. Известно, что до и после террористических актов последних двух лет в Европе и Америке происходило очень чёткое отслеживание социальных сетей, а также оффлайн собраний и молитв в мечетях мусульманских общин после терактов, с тем, чтобы определить реакцию мусульманских диаспор на эти события.

Здесь фактически была опробована на политико-террористическом поле известная маркетинговая техника распространения информационного вируса заразительности действий и эмоций.

Ну и наконец, третий эксперимент был связан с зондированием воли к сопротивлению западных правительств, элит и населения.

Ещё одним феноменом последних лет, ясно указывающим на деятельность глобального планировщика, стал беспрецедентный исход нелегальных мигрантов в Европу. По данным совместного доклада, подготовленного в мае с.г. Европолем и Интерполом, на территорию ЕС только в 2015 г. проникло более 1,2 млн. нелегальных мигрантов. Нет оснований полагать, что объёмы и темпы нелегального антропохода в ЕС уменьшатся в среднесрочной перспективе.

Согласно данным доклада, более 90% мигрантов попали в Европу, пользуясь услугами криминальных сетей. Криминальные сети, а также взаимодействующие с ними частично коррумпированные, а частично возглавляющие сети представители разведывательного сообщества, военных кругов и бизнеса наладили подлинную индустрию предоставления нелегальным мигрантам услуг. Это, прежде всего — услуги по транспортировке, предоставлению пунктов и лагерей размещения на маршрутах от места высадки в Европе до страны назначения, изготовлению поддельных документов, выдаче разрешений на временное проживание в лагерях и центрах приёма беженцев в странах назначения, и даже получению в них гражданства.

Международным правоохранительным органам удалось установить, что во многих случаях нелегальные мигранты, не имеющие достаточных денежных средств, вынуждены платить за эти услуги предоставлением себя в качестве нелегальной рабочей силы, передачей детей в сексуальную индустрию, участием в криминальных группировках и т.п. Денежные доходы от нелегального антропохода имеют тенденцию к стабильному увеличению. Только в 2015 г. криминал получил, согласно данным Европола и Интерпола, доход, как минимум, в пять-шесть миллиардов евро. В ближайшие годы эти цифры значительно увеличатся за счёт ещё более тесного сращивания различных преступных сетей с теневым финансовым капиталом, а также с коррумпированными представителями правоохранительных органов.

Согласно выводам доклада, "незаконный ввоз мигрантов в страны-члены ЕС, а также преступные услуги и промыслы, связанные с использованием антропоходов в криминальных целях, являются наиболее быстрорастущим сегментом организованной преступности в сращивании с коррупцией на государственном уровне в Европе".

В докладе особо отмечается, что нелегальный антропоход становится своего рода несущей конструкцией транзита самых различных видов преступного бизнеса. Согласно данным доклада, в 2015 г. криминальные сети, работающие с антропоходом, в 22% случаев были вовлечены в наркотрафик, в 20% — в работорговлю и преступность, связанную с правами собственности, в 18% — в проституцию и изготовление педофильского видеоконтента. При этом с каждым годом интеграция различных видов преступности постоянно увеличивается.

Приведённые цифры убедительно свидетельствуют, что столь масштабная, сложная и многосторонняя операция не могла быть осуществлена силами отдельных преступных группировок и даже криминальных сетей, в которые вовлечено примерно 40 тыс. человек. Как отмечается в докладе Европола и Интерпола, это стало возможным только вследствие сращивания организованной преступности с коррумпированными высокопоставленными сотрудниками спецслужб, военными, представителями таможенных и иных государственных органов. Более того, ряд экспертов, имеющих за плечами долгий опыт работы на руководящих должностях в разведке, полиции и судебной системе, полагают, что в данном случае речь идёт не просто о сращивании, а о подчинении организованных криминальных групп и сетей высокопоставленным представителям элитных группировок Европы, Америки, стран Ближнего и Среднего Востока.

Появление созданного по сверхсовременным организационно-коммуникационным и ресурсно-силовым лекалам ИГИЛа, насыщающие террористические атаки в Европе, Соединённых Штатах, а также на Ближнем Востоке и блистательно организованный с логистической точки зрения нелегальный антропоток в Европу убедительно свидетельствуют о появлении на мировой арене нового субъекта действия.

Это, несомненно, — субъект деструктивного действия, сформированный историей мира за последние 25 лет. После крушения Советского Союза, а вместе с ним и двуполярного мира, немалая часть разведывательного сообщества и высокопоставленных военных осталась без работы. Соответственно, чтобы вернуть себе прежнее положение, а с ним доходы, влияние и власть, было необходимо создать нового противника.

Для этой цели вполне сгодилась Аль-Каида. Согласно рассекреченным не так давно документам, созданная с благословения Саудовского королевского дома, Аль-Каида исходно представляла собой финансово-вербовочную сеть. Фундаменталистский ислам использовался первоначально лишь как своего рода идеологическое оформление для мобилизации финансовых ресурсов и направления их в Афганистан для борьбы с советскими войсками и силами тогдашнего афганского правительства. И лишь благодаря усилиям военной разведки США, а также британской разведки, Аль-Каида приобрела черты боевой организации и сомкнулась с Талибаном, созданным пакистанской и американской разведками.

В 90-е гг. Талибан и Аль-Каида были вновь активизированы военно-разведывательным сообществом для того, чтобы превратиться в нового врага. Апогеем этой операции стали события 11.09.2001. Иными словами, частично отставные высокопоставленные разведчики и военные, а частично средний уровень действующих офицеров и высокопоставленных чиновников сами сформировали врага, который позволил им начать возвращение на вершины власти и могущества.

В финансиализированном мире ни одна сила не может превратиться в мощный субъект действия без прямого участия в ней финансистов. В этой связи далеко не случайно, что события 11.09.2001 произошли в историческом плане практически синхронно с отменой в самом конце XX века закона Гласса-Стиголла. Отмена открыла финансовому капиталу путь к спекуляциям планетарного масштаба, и сняла с него практически все ограничения. Вполне понятно, что немалая часть элиты финансового мира презрела законы собственных стран, увидев в криминальном бизнесе огромный источник прибылей и финансовых потоков.

Согласно докладу, подготовленному Управлением по наркотикам и преступности ООН, общий размер потока грязных денег транснациональной организованной преступности и связанных с ней финансовых институтов оценивается — без учёта доходов от нелегальной торговли оружием, работоторговли и киберпреступности — в 1,3 трлн. **долларов** или более чем в 1,5% от глобального ВВП. По данным доклада, 0,7-0,8 трлн. **долларов** приходится на наркотрафик. В докладе также указано, что не менее 70% грязных денег отмывается через финансовые институты, включая крупнейшие банки. По данным Всемирного банка, в 2015 г. потери мировой экономики от кибератак составили около 450 млрд. долларов и продолжают увеличиваться. Таким образом, в мире ежегодно циркулирует примерно 2 трлн. преступных денег, значительная часть которых проходит через крупнейшие финансовые институты.

Кримократия как субъект и механизм глобального управления

Совокупность представленных данных, базирующихся на первоклассных источниках, позволяет всерьёз говорить о формировании в глобальном масштабе не просто транснациональной организованной преступности, а своего рода кримократии. Кримократия представляет собой мощнейший наднациональный субъект, в котором участвует, вероятно, в качестве подчинённой силы традиционная организованная преступность и в качестве господствующей элиты — часть глобального правящего класса,

в первую очередь, представители финансовых, разведывательных и военных контуров, находящиеся частично в отставке, а частично на действительной службе.

Особенность текущего момента состоит в том, что кримократия противостоит не только подавляющему большинству национальных государств, но и большей части международных и наднациональных институтов и, наконец, значительной части групп и группировок глобальной элиты. При этом в борьбе против кримократии не могут помочь традиционные институты и структуры, сложившиеся во второй половине XX века в рамках борьбы двух систем. Например, для борьбы с кримократией совершенно бесполезна такая военная организация, как НАТО.

Особенностью кримократии является комбинирование легальных и нелегальных методов, тесное сращивание преступности, терроризма и нетипичных (нечётких, гибридных) военных конфликтов. Кримократия умеет использовать в своих интересах различного рода международные, глобальные и локальные противоречия, и в первую очередь военные конфликты, возникновение очагов нестабильности, инспирированные восстания и т.п. Лучший пример этому — истории Сирии, Ирака и других стран Ближнего Востока, где кримократия не только приложила руку к возникновению ситуации, но и в полной мере использовала её для достижения своих глобальных целей.

Возникновение и стремительное развитие кримократии, обладающей огромными финансовыми, интеллектуальными, информационными и силовыми ресурсами, заставляет по-новому взглянуть на общую международную ситуацию и настоятельно требует нетрадиционных подходов налаживания взаимодействия даже между теми силами, которые в силу различных обстоятельств имеют неодинаковые, а зачастую противоположные интересы и устремления. В конечном счёте, кримократия — это ещё более страшный враг, чем терроризм, поскольку современный терроризм во всё возрастающей степени — это не более чем инструмент кримократии. К тому же кримократия практически для любой страны мира — это не только внешний, но и внутренний враг.

Осознание угрозы кримократии и создание единого фронта против неё является предпосылкой для сотрудничества и взаимодействия даже тех сил и субъектов, которые в иных обстоятельствах были бы обречены на соперничество. Ради борьбы с кримократией всем ведущим странам можно и нужно искать точки соприкосновения, делать акцент на сотрудничество и взаимодействие, а не на конфронтацию и дестабилизацию.

Конечно, такое сотрудничество в условиях "нового мирового беспорядка" выглядит пока утопично. Более того, находящиеся у власти и стремящиеся к ней политические "элиты" используют кримократию для достижения своих целей. Возвращаясь к выборам в США, можно с большой долей уверенности предположить, что теряющий очки в предвыборной гонке клан Клинтонов вместе с родственным им кланом Обамы для сокрушения Трампа в ближайшие месяцы могут пойти на любые провокации военного и криминального характера. Речь, например, идёт о провоцировании нового военного конфликта на Украине с последующим обвинением Трампа во всех смертных грехах, вплоть до шпионажа в пользу России. Ну, а если и этот вариант не пройдёт, то может быть задействован тот же механизм, что и с братьями Кеннеди. А здесь без кримократии никак не обойтись!

На фото: Ницца. Английская набережная. Марш протеста, посвящённый памяти жертв террористического акта